

Индивид, рынок и государство

Эволюция мировоззрения европейской социал-демократии

В XX веке социал-демократия оказала мощное воздействие на формирование облика западного общества. Она немало сделала для гуманизации капитализма, социальной интеграции индустриальных рабочих, создания государства всеобщего благосостояния и формирования европейской социальной модели.

К этому необходимо добавить, что социал-демократия неизменно стремилась найти оптимальное соотношение между коллективизмом и индивидуализмом, организацией и свободой, государственным регулированием и рыночными механизмами. В результате в 1950—1960-х годах сложилась социал-демократическая социальная модель, основными элементами которой стали смешанная экономика, развитое государство всеобщего благосостояния (социальное государство), кейнсианская финансово-экономическая политика, стимулирующая спрос путем увеличения государственных расходов, и социальное партнерство. «Эта модель, — отмечает теоретик Социал-демократической партии Германии Т. Майер, — вплоть до 70-х годов была настолько успешной, что она не только всецело господствовала в повестке дня европейских демократий, но и стала в различной степени общей моделью политики для многих других демократических партий»¹.

Однако в последней четверти XX века для европейской социал-демократии наступили нелегкие времена. Это политическое течение оказалось в 1980—1990-е годы перед лицом целого ряда вызовов, ответы на которые нельзя было найти, оставаясь в рамках традиционных социал-демократических представлений. Кризис, который переживала тогда социал-демократия, дал основание некоторым исследователям даже прогнозировать ее закат... Однако социал-демократия выжила и смогла более или менее успешно адаптироваться к новым реалиям.

Кризис социал-демократии: причины и последствия

Кризис европейской социал-демократии был обусловлен, прежде всего, целым рядом социальных, экономических и социопсихологических изме-

РАБОТЯЖЕВ Николай Владимирович — зав. сектором ИМЭМО РАН, кандидат политических наук.

Ключевые слова: социал-демократия, демократический социализм, кейнсианство, общество всеобщего благосостояния, социальное равенство, ответственный капитализм, Лейбористская партия Великобритании, СДПГ, Г. Шредер, Т. Блэр.

¹ Майер Т. Трансформация социал-демократии. Партия на пути в XXI век. М., 2000. С. 68.

нений в западном обществе, поставивших под сомнение многие постулаты тогдашней социал-демократической идеологии. Так, в 1970—1980-е годы в социальной структуре европейских стран сокращалась доля традиционного рабочего класса, долгое время являвшегося важнейшей социальной и электоральной опорой социал-демократии. Численность же новых средних слоев по мере превращения западного общества в постиндустриальное, напротив, быстро возрастала. Однако для «белых воротничков» характерна ориентация на индивидуальную социальную мобильность, в связи с чем они тяготеют скорее к либерально-консервативным политическим взглядам.

Важно также отметить, что в 1970—1980-е годы крупные предприятия с большим числом занятых и конвейерной системой все больше вытеснялись мелкими и средними фирмами «новой экономики». Это вело к размыванию традиционной левой политической культуры, основывавшейся на ценностях солидарности и коллективизма. Крупная, организованная на основе системы Тейлора фабрика, отмечает немецкий социолог О. Нахтвай, была ключевой опорой социал-демократии; постфордизм же способствовал ее ослаблению².

Далее, в западном обществе с конца 1970-х годов все большее распространение получил «новый индивидуализм», который плохо совмещался с «традиционной социал-демократическо-профсоюзной ориентацией на коллективную организацию и всеохватывающее влияние социального государства»³. По словам одного из лидеров итальянских левых А. Окетто, философия 1980-х годов может быть коротко выражена крылатой фразой М. Тэтчер: общества не существует, реальны только отдельные люди. В рамках такого мировосприятия общественность, государство, общество выглядят абстракцией или даже оковами⁴. Понятно, что социал-демократия с ее социальным этосом и нацеленностью на достижение общего блага плохо вписывалась в столь индивидуалистическую эпоху. Кроме того, у части молодого поколения приобрела популярность постматериалистическая ценностная ориентация, для сторонников которой социал-демократия с ее приверженностью экономическому росту и массовому потреблению не была привлекательной политической силой.

Кризисные явления коснулись и главного достижения социал-демократов — государства благосостояния. С одной стороны, государственное регулирование хозяйственных процессов посредством кейнсианского инструментария, масштабное перераспределение средств и рост социальных расходов постепенно вели к бюрократизации и регламентации экономики, ослаблению ее динамизма, снижению производительности труда, увеличению бюджетных дефицитов и нарастанию иждивенческих настроений. Кроме того, эта социальная модель, основанная на бюрократическом контроле над экономикой и высоких налогах, плохо вписывалась в эпоху научно-технической революции и информационно-компьютерных технологий, требующих от субъектов рынка гибкости, инициативы, быстрой

² См. **Nachtwey O.** Marktsozialdemokratie: Die Transformation von SPD und Labour Party. Wiesbaden, 2009. S. 179.

³ **Поттхофф Х., Миллер С.** Краткая история СДПГ, 1848—2002. М., 2003. С. 394.

⁴ См. **Окетто А.** Левые в Европе: труд и реформа государства благоденствия // Будущее европейской социал-демократии. М., 1998. С. 285.

адаптации к переменам. В итоге, как констатировал в конце 1980-х годов ведущий экономист Социал-демократической рабочей партии Швеции К. Эклунд, традиционная стратегия социал-демократии послевоенного периода, состоявшая в повышении налогов для финансирования социальных программ, перестала работать⁵.

С другой стороны, возможности социального государства были поставлены под вопрос процессом глобализации. Дело в том, что кейнсианские меры антициклического регулирования могут эффективно проводиться в жизнь только на национальном уровне. В условиях же глобализации, когда капитал свободно переливается с рынка на рынок, он становится способным диктовать свои условия национальным государствам и просто уходить из стран, уровень налогов в которых его не устраивает. Таким образом, сокращаются возможности проведения социально-экономической политики, независимой от интересов транснационального бизнеса и глобальных финансовых рынков. Высокие налоги на прибыль, за счет которых социал-демократы ранее финансировали социальные программы, в этих условиях становятся тормозом экономического развития, а правительства оказываются вынужденными соглашаться на частичный демонтаж государства благосостояния и ограничение его прежней щедрости.

Определенные негативные последствия для европейской социал-демократии имело и крушение в 1989—1991 годах коммунистических режимов в странах Центрально-Восточной Европы и СССР. Сами социал-демократы расценили события этого периода как победу реформистской парадигмы над революционной, демократического социализма над диктаторским коммунизмом. Однако вскоре выяснилось, что крах советского блока нанес чувствительный удар по левой идее вообще и на какое-то время привел к доминированию на Западе неolibерального дискурса.

Впрочем, «объективными» причинами ситуация не исчерпывалась.

От марксизма

Следует признать, что наиболее глубокие причины кризиса европейской социал-демократии лежали в сфере ее политической философии. Дело в том, что к 1970-м годам европейская социал-демократия не до конца освободилась от ряда установок, унаследованных ею от более ранних этапов развития социалистической мысли.

В первой половине XX века идеологией большинства социал-демократических партий был марксизм — пусть и в его социал-реформистской версии (примечательным исключением являлась британская Лейбористская партия, на формирование политической философии которой, помимо марксизма, оказали сильное влияние фабианский эволюционизм, левый либерализм и христианский социализм). Таким образом, мировоззрение социал-демократов того времени носило в значительной мере антиперсоналистический характер: класс для них имел приоритет перед индивидом, коллективные ценности — перед индивидуальными, равенство и солидарность — перед свободой.

⁵ См. Липсет С. М. Третьего пути не существует: Перспективы левых движений // Полис. 1991. № 5. С. 22—23.

Социал-демократы начала XX века ставили своей целью обобществление средств производства, распределения и обмена, то есть ликвидацию рыночного хозяйства и частного предпринимательства. Государственный социализм континентальных социал-демократов опирался на идеи К. Маркса, Ф. Энгельса и Ф. Лассаля; британские лейбористы исходили из фабианской концепции эволюционной социализации экономики. Но в обоих случаях их целью была замена частной собственности общественной (то есть фактически — государственной), рыночной конкуренции — планированием. Так, виднейший теоретик II Интернационала К. Каутский в своих комментариях к Эрфуртской программе германской социал-демократии (1891) утверждал, что грядущее социалистическое общество будет «не чем иным, как единым огромным промышленным предприятием» с одним-единственным работодателем⁶. При этом предполагалось, что полное обобществление частной собственности и замена рыночного хозяйства планомерной организацией производства не нанесут ущерба индивидуальной свободе; более того, трудящиеся в социалистическом обществе будут пользоваться более широкой свободой по сравнению с той, какой они располагают в условиях либерального капитализма⁷.

Позднее, в 1950—1960-е годы, многие из этих представлений были подвергнуты пересмотру. Монопольное положение марксизма в социал-демократическом движении уступило место мировоззренческому нейтралитету. Установку на классовую борьбу сменила ориентация на социальное партнерство с бизнесом. На смену «научному социализму» пришел этический, для которого социализм является прежде всего нравственным идеалом, причем его основными ценностями — свободе, справедливости, солидарности, равенству — социал-демократы придавали равное значение. При этом, как подчеркивал Т. Майер, «социалистические ценности не направлены на вытеснение индивидуальности в угоду коллективным формам жизни»⁸.

Существенные перемены произошли и в экономических воззрениях социал-демократии. Социал-демократы отказались от идей полного обобществления и признали возможность сочетания планирования с частной инициативой в ряде сфер экономики. В конце 1950-х — начале 1960-х годов социал-демократические партии многих европейских стран приняли новые программы, признававшие частную собственность и рыночную конкуренцию неотъемлемой составной частью смешанной экономики, в рамках которой должно было происходить эволюционное продвижение к обществу социальной демократии. Национализация же была признана лишь одним из возможных средств социал-демократической хозяйственной политики.

Вместе с тем социал-демократы и в эпоху постмарксизма в значительной мере сохранили приверженность коллективным действиям и государственно-патерналистским установкам, продолжавшим лежать в основе

⁶ См. **Каутский К.** Эрфуртская программа: Комментарии к принципиальной части. М., 1959. С. 149, 159.

⁷ См., например: **Каутский К.** Пролетарская революция и ее программа. Берлин, 1922. С. 410—413.

⁸ **Майер Т.** Парадигмы социализма в Европе, история и современность // Коммунист. 1990. № 3. С. 118.

социал-демократической идентичности. Ведь центральным пунктом социал-демократических программ, как отмечал тот же Т. Майер, всегда было «требование создать коллективными усилиями для социально и экономически малообеспеченных и маломощных слоев возможности активного действия»⁹.

Иными словами, социал-демократы и в 1960—1970-е годы сохраняли веру в сильное государство, которое, с их точки зрения, являлось важнейшим рычагом проведения социальных реформ, и в благотворность государственного регулирования экономики. Они были убеждены в широких возможностях социальной инженерии и полагали, что едва ли не все социальные проблемы могут быть решены «сверху», путем вмешательства государственной власти. Как отмечает английский политолог Д. Маркуанд, британские лейбористы «хотели творить добро, но они гораздо больше желали делать добро другим, чем помогать другим делать добро самим себе. С их точки зрения, роль государственного вмешательства состояла скорее в том, чтобы обеспечивать, манипулировать или инструктировать, чем в том, чтобы предоставлять возможности»¹⁰. В общем, то же самое может быть сказано и о большинстве континентальных социал-демократических партий. Однако эти установки оказались явно не в ладу с динамичной эпохой «новой экономики», «нового индивидуализма» и глобализации.

Перечисленные факторы повлекли за собой в 1980—1990-е годы кризис западноевропейского социал-демократического движения. В то время социал-демократия понесла значительные электоральные потери, причем две ведущие социал-демократические партии Западной Европы — Лейбористская партия Великобритании (ЛПВ) и Социал-демократическая партия Германии (СДПГ) — долгое время находились в оппозиции: первая — с 1979-го по 1997 год; а вторая — с 1982-го по 1998 год. Те же южноевропейские социалисты, которым в 1980-е годы удалось добиться электоральных успехов (Ф. Гонсалес в Испании, А. Папандреу в Греции, Б. Кракси в Италии и Ф. Миттеран во Франции), постепенно переходили к проведению «реалистического» социально-экономического курса, который мало чем отличался от неоконсервативного.

В конце 1980-х — начале 1990-х годов социал-демократам становилось все яснее, что им следует искать «новые формы соединения коллективных действий и шансов индивидуального действия»¹¹. В это время в ряде европейских социал-демократических партий активизировалось правое, модернизаторское течение, позитивно настроенное по отношению к рыночной экономике.

«Модернизаторы», в сущности, более не считали целью социал-демократии постепенную трансформацию капиталистического общества в социалистическое. Они полагали, что нужно стремиться не к расширению государственного сектора, а к регулированию рыночной экономики в соответствии с социалистическими ценностями, то есть фактически к «управлению капитализмом». Так, известный теоретик СДПГ П. Глоц, размышляя

⁹ Там же.

¹⁰ Marquand D. *Premature Obsequies: Social Democracy Comes in From the Cold // The New Social Democracy* / Eds. by A. Gamble, T. Wright. Oxford, 1999. P. 16.

¹¹ Майер Т. *Парадигмы социализма в Европе, история и современность*. С. 119.

о том, «какого экономического будущего хотят левые», в 1988 году писал: «Левым необходимо освободиться от своей централистской мегаломании и отбросить навязчивую идею, что государство может эффективно управлять всей экономикой... Осуществляя контроль над рыночной экономикой, левые должны, в частности, отстаивать соблюдение прав потребителей, свободное принятие решений об инвестировании, свободное распоряжение активами и децентрализованный процесс принятия решений»¹². Аналогичные тенденции в то время усилились и в Лейбористской партии Великобритании. Даже французские социалисты, всегда придерживавшиеся более радикальных воззрений, чем большинство европейских социал-демократических партий, после неудачи «левого эксперимента» 1981—1983 годов приступили к пересмотру своих представлений и стали более позитивно воспринимать рыночную экономику и частный бизнес.

Усиление модернизаторского крыла и более или менее выраженный отход от этатистско-перераспределительных моделей наблюдались в конце 1980-х — 1990-х годах и во многих других социалистических и социал-демократических партиях. Этой эволюции способствовало также и крушение командных экономик в странах советского блока, лишней раз указавшее социал-демократам на важность индивидуальной (в том числе хозяйственной) свободы для обеспечения экономического прогресса.

«Новая» и «старая» социал-демократия

Хотя уже в конце 1980-х годов ЛПВ отказалась от планов широкой национализации и признала ряд преимуществ рыночной экономики, ее радикальное программно-идеологическое обновление началось только после того, как в 1994 году партию возглавил Т. Блэр. Позднее, в 1998 году, аналогичный процесс развернулся в СДПГ. В результате в западной социал-демократии обозначились два основных течения — «новая» (модернистская) и «старая» социал-демократия. Первое из них, связанное с именами лейбористского премьер-министра Великобритании Т. Блэра и социал-демократического канцлера ФРГ Г. Шредера, отказалось от многих традиционных социал-демократических представлений и тяготело к социальному либерализму.

Как отмечает английский социолог Э. Гидденс, новая социал-демократия отличалась от «старой» по двум основным параметрам. Во-первых, новая социал-демократия признает необходимость глубокого переосмысления левой идеологии в свете происходящих в мире изменений, к числу которых относятся глобализация, возникновение «экономики знаний», усиление индивидуалистических и постматериалистических установок, неэффективность государства благосостояния и возникновение новых рисков (прежде всего экологических). Во-вторых, новая социал-демократия стремится в первую очередь к электоральному успеху, а не к сохранению идеологической чистоты своей доктрины. В условиях значительного численного сокращения ее традиционной социальной опоры — рабочего класса новые социал-демократы должны завоевывать поддержку в самых разных слоях общества¹³.

¹² *Cит. по: Sassoon D.* One Hundred Years of Socialism: The West European Left in the Twentieth Century. N. Y., 1996. P. 735.

¹³ **Giddens A.** Where Now for New Labour? L., 2002. P. 11.

Два ключевых концепта, провозглашенных Блэром, — «новый лейборизм» и «третий путь» — символизировали отход модернизаторского руководства ЛПВ от этатистско-патерналистских и тред-юнионистских установок лейборизма 1970-х годов. «Новый лейборизм» противопоставлялся «старой левой» идеологии, сфокусированной на национализации, государственном контроле и повышении налогов на корпорации. «Третий путь» неолейбористов также в значительной степени отличался от «старого» социал-демократического «третьего пути» между неконтролируемым капитализмом и тоталитарным коммунизмом — он пролегал между традиционным демократическим социализмом и неолиберализмом, то есть между кейнсианским государством благосостояния и тэтчеризмом. Теоретическое обоснование идеи и базовых принципов «третьего пути» принадлежало Э. Гидденсу — автору книги «Третий путь» (1998) и советнику Блэра.

В противовес этатизму и коллективизму «старой левой» идеологии Блэр подчеркивал важность личной свободы, индивидуальных усилий и инициативы. Критикуя традиционные социалистические концепции, Блэр отмечал, что «левые... в прошлом слишком охотно забывали свой долг гарантировать индивидам широкие возможности развития и проявления своих способностей», а «самая серьезная ошибка фундаменталистского крыла левых партий состояла в том, что они верили, будто государство может заменить гражданское общество и гарантировать свободу»¹⁴. Государство, по мнению Блэра, не должно играть центральной роли в экономике и социальных процессах, как того хотели «твердые левые», его задача — стать партнером гражданского общества.

В отличие от «старых левых», Блэр и его единомышленники считали, что рынки необходимо не ограничивать, а либерализовывать, и что свободный рынок «является тем средством, которое обеспечит достижение реформистских целей лейбористов». Правда, в отличие от консерваторов, они полагали, что результаты экономического роста, порожденного функционированием свободного конкурентного рынка, должны использоваться для увеличения инвестиций в общественные службы и финансирования государства благосостояния¹⁵. Важно также отметить, что, с точки зрения «новых лейбористов», роль государства в регулировании экономики и социальных процессов должна была стать более скромной по сравнению с той, какую ей отводила кейнсианская социал-демократия. Роль правительства, согласно Блэру, состоит главным образом в том, чтобы «дать людям образование, квалификацию и технические знания, необходимые в новых рыночных условиях для процветания их предприимчивости и таланта»¹⁶.

Блэр и Гидденс выступили также за реформирование государства всеобщего благосостояния, превращение его в «государство социальных инвестиций». Это означало, что государство будет оказывать гражданам помощь не столько в виде социальных выплат, сколько в форме инвестиций, направленных на приобретение ими квалификации или переобучение. Вместе с тем со-

¹⁴ Блэр Т. Новая политика для нового столетия // Государственная служба за рубежом. М., 2000. № 4. С. 7.

¹⁵ Heffernan R. Labour's New Labour Legacy: Politics after Blair and Brown // Political Studies Review. 2011. Vol. 9. № 2. P. 165, 166.

¹⁶ Блэр Т. К Европе народов // Будущее европейской социал-демократии. М., 1998. С. 26.

циальная политика правительства Блэра включала в себя и многие традиционные социал-демократические элементы (законодательное установление минимального уровня оплаты труда, введение четырехнедельных оплачиваемых отпусков, увеличение детских пособий для семей с низкими доходами, расширение финансирования образования и здравоохранения и др.).

Неудивительно, что «новых лейбористов» нередко характеризовали как сторонников сочетания неолиберализма в экономике с социал-демократической социальной политикой или как социальных либералов. Да и сам Блэр стремился позиционировать «новый лейборизм» в качестве преемника не только лейборизма, но и прогрессивного либерализма, отодвигая при этом на задний план собственно социалистические элементы лейбористской традиции. Впрочем, лидер ЛПВ утверждал, что «новые лейбористы» не отказывались от социал-демократических ценностей (таких, как свобода, социальная справедливость, солидарность и др.), они лишь искали новые средства реализации этих ценностей, новые пути достижения социал-демократических целей, отвечающие современным реалиям.

Сходных с неолейбористскими взглядов придерживался и бывший лидер СДПГ (1999—2004) и канцлер ФРГ (1998—2005) Г. Шредер. Социально-политическая концепция Шредера, сформулированная им перед парламентскими выборами 1998 года, получила название «Новой середины», или «Нового центра» (Neue Mitte). Тем самым СДПГ демонстрировала намерение завоевать на свою сторону новые средние слои — высококвалифицированных наемных работников, мелких и средних предпринимателей, служащих, менеджеров, представителей свободных профессий, инженеров, врачей, педагогов и др. Что же касается экономических взглядов Г. Шредера, то он был убежден, что в эпоху глобализации экономическая политика не может быть социал-демократической или неолиберальной, она должна быть, прежде всего, современной и обеспечивать конкурентоспособность экономики ФРГ в глобализованном мире.

Неудивительно, что предвыборная платформа СДПГ 1998 года была, по словам Г. Шредера, «самой рыночной» из всех предвыборных программ этой партии. Реализм и энергия важнее, чем идеология, — таким был один из ее ключевых принципов. Программа включала такие положения, как комбинация политики спроса и предложения; поддержка средних слоев, мелкого и среднего предпринимательства; ограничение бюрократической регламентации сферы бизнеса; налоговая реформа (предусматривающая снижение налогообложения для всех предприятий — как концернов, так и мелких и средних фирм); помощь безработным в соответствии с принципом «работа вместо социальной помощи» — то есть предоставление тем, кто потерял работу, рабочих мест и возможностей для обучения и профессиональной подготовки; резкое увеличение инвестиций в образование, науку, исследования и разработки¹⁷.

Таким образом, социально-экономические воззрения «новой» социал-демократии заметно отличались от установок «старой». Традиционные социал-демократы, признавая преимущества рыночной экономики, стремились перераспределять создаваемые ею блага во имя обеспечения социальной

¹⁷ *Цит. по* Мацонашвили Т. Н. Социал-демократическая партия Германии перед выборами 1998 г. М., 1998. С. 28—35.

справедливости и большего равенства. Модернизированная же социал-демократия, напротив, фактически рассматривала социальные гарантии и социальную политику как средство для обеспечения более эффективного функционирования рыночной экономики.

В 1999 году Т. Блэр и Г. Шредер опубликовали совместный программный документ «Европа: Третий путь — Новая середина» («Europe: The Third Way — die Neue Mitte»), в котором последовательно изложили мировоззренческие установки модернизированной социал-демократии. В противовес «старым» социал-демократам авторы манифеста отдавали приоритет сокращению государствен-

ных расходов, снижению налогов, гибкости рынка рабочей силы и личной ответственности. Государство, декларировали Блэр и Шредер, должно всеми силами способствовать развитию сил экономики, дополнять и улучшать регулирующую функцию рынков, но не считать, что может их заменить. Ими предлагалась также модернизация государства бла-

госостояния. По мнению Блэра и Шредера, оно не должно было ограничиваться пассивной помощью безработным, но создавать для человека «трамплин для прыжка к собственной ответственности»¹⁸.

На рубеже XX и XXI веков «третий путь» и манифест Блэра — Шредера вызвали широкое и заинтересованное обсуждение в европейских социал-демократических партиях. При этом высказывались различные точки зрения — от полного неприятия идей «новых лейбористов» до готовности частично принять их установки.

Так, совместный документ Блэра и Шредера был подвергнут резкой критике руководством Французской социалистической партии (ФСП), более близким к классической социал-демократии, чем ЛПВ и СДПГ. Ответом президиума ФСП на манифест Блэра — Шредера стал «документ Жоспена»¹⁹,

Традиционные социал-демократы, признавая преимущества рыночной экономики, стремились перераспределять создаваемые ею блага во имя обеспечения социальной справедливости и большего равенства. Модернизированная же социал-демократия, напротив, фактически рассматривала социальные гарантии и социальную политику как средство для обеспечения более эффективного функционирования рыночной экономики.

¹⁸ Блэр Т., Шредер Г. Европа: Третий путь — Новая середина // Социал-демократия перед лицом глобальных проблем. М., 2000. С. 101.

¹⁹ Социалист Лионель Жоспен занимал пост премьер-министра Франции в 1997—2002 годах.

обнародованный в том же 1999 году и озаглавленный «На пути к более справедливому миру». В нем подчеркивалось, что социалистам следует с уважением относиться к собственным традициям, сохранять критическое отношение к капитализму (в том числе глобальному) и не торопиться сдавать в архив кейнсианские рецепты макроэкономического регулирования. «Да — рыночному хозяйству, нет — рыночному обществу», — провозглашал Л. Жоспен²⁰. Интересно отметить, что в «документе Жоспена» использовалось понятие «демократический социализм», фактически сданное в архив Блэром и Шредером.

Руководство ФСП — в отличие от «новых лейбористов» — полагало, что рыночная экономика имеет не только преимущества, но и недостатки, сама по себе она не приводит к оптимальному экономическому и социальному развитию и, напротив, может повлечь за собой «деградацию природы и общества». Поэтому французские социалисты отстаивали необходимость проведения активной государственной макроэкономической политики, способной обеспечить рост производства и занятости и охрану окружающей среды. Характеризуя свои разногласия с ЛПВ, лидеры ФСП отмечали, что Французская соцпартия придерживается некейнсианской экономической модели, в то время как «новый лейборизм» близок к неолиберализму²¹.

Стоит отметить, что обновление ФСП не пошло по пути Блэра и Шредера во многом в силу особенностей левой политической культуры Франции и традиций социалистического движения в этой стране. Принятие рыночно-капиталистической системы и фактический отказ от социалистического проекта не могут вдохновить французских социалистов (хотя во время пребывания у власти прагматизм у них нередко брал верх над идеологическими постулатами).

Последовавшая за манифестом Блэра — Шредера дискуссия показала, что не только ФСП, но и большинство других европейских социал-демократических партий не торопятся вступить на путь модернизации по модели «новых лейбористов». Помимо Французской соцпартии, на более традиционных позициях остались социалистические партии стран Южной Европы (Португалии, Испании, Греции). Другие социал-демократические партии пошли по пути частичной «маркетизации» своих программно-идеологических установок. К этому направлению можно отнести, например, Партию труда Нидерландов (ПТН), Социал-демократическую рабочую партию Швеции (СДРПШ), Социал-демократическую партию Австрии (СДПА). При этом сохранялась национальная специфика различных отрядов европейской социал-демократии и их социальных моделей.

Таким образом, радикальная модернизация идеологии и политики в конце XX — начале XXI века произошла лишь в двух социал-демократических партиях — ЛПВ и СДПГ. Почему же, несмотря на, казалось бы, назревшую необходимость либерализации и «маркетизации» социал-демократической идеологии, большинство континентальных левоцентристских партий

²⁰ Жоспен Л. На пути к более справедливому миру // Социал-демократия перед лицом глобальных проблем. С. 112.

²¹ Подробнее см. Преображенская А. А. Французская социалистическая партия и европейская социал-демократия // Мировая экономика и международные отношения. 2000. № 6. С. 48.

не испытывало желания копировать «третий путь» «новых лейбористов»? Можно указать несколько причин этого явления.

Прежде всего, проект формирования нового социального устройства, свободного от недостатков капитализма («утопия-надежда», по выражению нынешнего председателя СДПГ З. Габриэля²²), выполняет в социал-демократических партиях также и важную интегративную функцию. В силу этого отказ социал-демократии от собственного проекта, от своего «видения» свободного, справедливого и солидарного общества будущего грозит не только подорвать социал-демократическую идентичность, но и вызвать внутрипартийные кризисы и расколы. Если воспользоваться «волшебным жезлом аналогии», то можно вспомнить о ситуации в социал-демократическом движении в первые десятилетия XX века. В то время социал-демократические партии фактически встали на путь реформизма, но при этом не спешили отказываться от марксистской революционной эсхатологии — во многом именно потому, что она играла в этих партиях роль интегрирующего мифа.

Степень, в которой социал-демократическая партия может позволить себе осуществление модернизации, зависит от особенностей левой политической культуры и традиций рабочего движения в данной стране. Так, партии, более тесно связанные с профсоюзами, не могут пойти на слишком значительную «маркетизацию» своей идеологии и политики, поскольку профсоюзы обычно выступают против дерегулирования рынка труда и в защиту социальных гарантий. В качестве примера можно привести социал-демократические партии Швеции, Норвегии, Австрии. Не стоит сбрасывать со счетов и специфику левой политической культуры в той или иной стране — ею объясняется, например, этатистский и более радикальный (хотя эта радикальность проявляется нередко лишь на уровне деклараций) характер французского социализма.

Возможности рыночно ориентированной модернизации той или иной социал-демократической партии зависят также от того, существует ли слева от нее достаточно влиятельная политическая сила. Так, Блэр мог решительно сдвинуть ЛПВ в сторону политического центра, не опасаясь конкуренции со стороны более радикальных левых (которые в Великобритании представляют собой ничтожную политическую силу). Но в ряде других европейских государств (например, в той же Франции) дело обстоит иначе. В этих странах социалистические и социал-демократические партии не могут позволить себе слишком заметного поворота в сторону неолиберализма, поскольку тем самым они уступят свой электорат более левым организациям.

СДПГ И ЛПВ: пределы обновления

Впрочем, модернизация ЛПВ и СДПГ тоже столкнулась с целым рядом трудностей, в связи с чем эти партии позднее вынуждены были в некоторых аспектах вернуться к более традиционным социал-демократическим представлениям.

Обновленная Лейбористская партия пришла к власти в 1998 году и затем выиграла парламентские выборы 2001 и 2005 годов. После ухода Блэра

²² См. Орлов Б. С. Новая программа германской социал-демократии: Итоги идейной дискуссии в СДПГ. М., 2008. С. 44.

в отставку в 2007 году правительство Великобритании и Лейбористскую партию возглавил Г. Браун — главный автор экономической программы «нового лейборизма». Вскоре после смены премьер-министра Великобритания вступила в полосу экономических трудностей, вызванных главным образом влиянием глобального финансово-экономического кризиса. Начавшийся в Великобритании в 2007 году экономический спад заставил правительство Г. Брауна вновь обратиться к более активному государственному вмешательству в экономику. В 2008—2010 годах лейбористским правительством был предпринят ряд кейнсианских мер по налогово-бюджетному стимулированию экономики Великобритании, которые во многом противоречили рыночным установкам «нового лейборизма»²³.

Впрочем, эти экономические шаги не принесли партии ожидаемых политических дивидендов — на состоявшихся в 2010 году парламентских выборах ЛПВ потерпела поражение. Результаты выборов Г. Браун воспринял как негативную оценку избирателями его деятельности и ушел в отставку с поста не только главы правительства, но и лидера партии. В сентябре 2010-го новым лидером ЛПВ был избран представитель нового поколения Эд Милибэнд — политик, близкий по своим воззрениям к Брауну.

Пребывание ЛПВ в оппозиции способствовало активизации традиционных лейбористских установок и более левой риторики. Характерно, что в настоящее время Лейбористская партия больше не аттестует себя в качестве партии «третьего пути» и «нового лейборизма». Тем не менее ЛПВ и при Милибэнде отнюдь не намерена возвращаться к доблэровским взглядам. Сегодня целью ЛПВ, полагает ее лидер, должно стать формирование «ответственного капитализма» — альтернативы современной британской экономике, в которой гипертрофирован финансовый сектор и чрезмерную роль играют краткосрочные финансовые спекуляции. «Ответственный капитализм», по мнению Милибэнда, предполагает изменение баланса между финансовым и реальным секторами экономики в пользу последнего и активную роль правительства, которое должно устанавливать правила игры для субъектов рынка²⁴.

Находясь в оппозиции, Лейбористская партия последовательно выступает против политики жесткой экономии, проводимой правительством Д. Кэмерона, ратует за увеличение государственных инвестиций (в том числе в строительство дешевого жилья), за более справедливую налоговую систему. Кроме того, в ЛПВ в последние годы усилилось влияние сторонников коммуитаризма, которые, не принимая ни этатизм «старых» лейбористов, ни прорыночные установки «новых», отстаивают активную социальную роль организаций гражданского общества и местных сообществ. Критикуя рыночную коммерциализацию социальных отношений, они выступают за подчинение экономической жизни таким традиционным моральным ценностям, как взаимопомощь и взаимная поддержка²⁵. В определенной мере их

²³ Подробнее см. **Хесин Е. С.** Великобритания: от подъема к кризису // *Мировая экономика и международные отношения*. 2009. № 12.

²⁴ См. **Miliband E.** Building a Responsible Capitalism // *Juncture*. 25.05.2012. — www.ippr.org/juncture/171/9200/building-a-responsible-capitalism

²⁵ См. **Finlayson A.** From Blue to Green and Everything in Between: Ideational Change and Left Political Economy after New Labour // *The British Journal of Politics and International Relations*. 2003. Vol. 15. № 1. P. 76—77.

взгляды разделяет и нынешний лидер лейбористов. Лейбористская партия, отмечает Эд Милибэнд, стремится к расширению личной свободы, но понимает ее в духе коммунитаризма, а не индивидуализма: истинная свобода, с его точки зрения, существует внутри процветающих местных сообществ²⁶. В ЛПВ сейчас, впрочем, присутствуют и сторонники «нового лейборизма», и приверженцы традиционной социал-демократии. Партия находится в процессе идейных исканий и, вероятнее всего, в конечном итоге сформулирует некую синтетическую концепцию, включающую элементы разных внутрипартийных направлений — кейнсианского и «нового лейборизма», коммунитаризма и социального консерватизма.

Попытка же Г. Шредера провести рыночно ориентированное обновление СДПГ столкнулась со значительными препятствиями уже в первые годы XXI века. Правда, вначале сдвиг германской социал-демократии в сторону «новой середины» принес хорошие электоральные результаты: в 1998 году, после 16 лет пребывания в оппозиции, СДПГ удалось вернуться к власти. В результате выборов в бундестаг 1998 года была сформирована коалиция СДПГ с «зелеными» (просуществовавшая до 2005 года), а Г. Шредер стал федеральным канцлером. Однако в дальнейшем инициированную им модернизацию теории и практики германской социал-демократии ждал целый ряд сложных проблем.

Прежде всего, в своей партии Шредер встретился с сильным противодействием левого крыла, представители которого в противовес идеям манифеста Блэра — Шредера «пропагандировали государственно ориентированную модель управления по примеру Лионеля Жоспена во Франции»²⁷. В результате упорного сопротивления традиционалистского крыла СДПГ и профсоюзов Шредер смог приступить к перестройке социальной модели ФРГ лишь после победы «красно-зеленой» коалиции на выборах 2002 года.

Суть замыслов Шредера сводилась к уменьшению роли государства в экономике ФРГ. Реформы включали снижение налогов на бизнес и социальных взносов предпринимателей, деbüroкратизацию процесса создания новых предприятий, дерегулирование рынка труда, уменьшение различных субсидий и льгот, сокращение сроков получения пособия по безработице, приватизацию федеральной собственности²⁸.

Необходимые для осуществления этих преобразований законы Г. Шредеру удалось провести через бундестаг лишь вопреки упорному сопротивлению левого крыла СДПГ и профсоюзов. Сами же реформы оказались весьма непопулярными и болезненными, кроме того, их результатом стало усиление внутрипартийной оппозиции Шредеру, падение авторитета СДПГ и отток из партии левоориентированных членов. Эти факторы в конечном итоге привели германскую социал-демократию к поражению на парламентских выборах 2005 года, в результате которых была сформирована «большая коалиция» ХДС/ХСС — СДПГ.

²⁶ **Miliband E.** Preface // *The Labour Tradition and the Politics of Paradox: The Oxford London Seminars 2010–2011* / Eds. M. Glasman, J. Rutherford, M. Stears, St. White. P. 8. — www.lwbooks.co.uk/journals/soundings/Labour_tradition_and_the_politics_of_paradox.pdf

²⁷ **Поттхофф Х., Миллер С.** Краткая история СДПГ, 1848–2002. С. 413.

²⁸ См. подробнее: **Гутник В. П.** Государство уходит из экономики ФРГ // Независимая газета. 22.12.2003.

Таким образом, Шредеру не удалось коренным образом модернизировать СДПГ, о чем свидетельствует и программа партии, принятая на съезде в Гамбурге в 2007 году. В этом документе германская социал-демократия подтвердила свою приверженность демократическому социализму. «Конец государственного социализма советского образца не опроверг идею демократического социализма., — говорилось в программе. — Демократический социализм остается для нас видением (Vision) свободного, справедливого и солидарного общества, претворение которого в жизнь является для нас постоянной задачей»²⁹.

Гамбургская программа критикует рыночный фундаментализм и возлагает на государство ответственность за обуздание рыночных сил. «Авторитарное и тоталитарное правление в XX веке дискредитировало государство, — читаем мы в документе СДПГ. — Этим пользуются рыночные радикалы, которые хотят свести функции государства к охране собственности и организации рынков. Там, где только возможно, они пытаются передать рынкам задачи государства. Но то, что передается рынкам, должно стать товаром, который одни могут себе позволить, а другие — нет. Демократическое и правовое социальное государство... несет ответственность за те сферы жизни, которые не должны быть превращены в товар». Так, не должны стать товаром образование, социальная безопасность и культура³⁰.

Представляет интерес также выдвинутая в программе новая концепция социального государства. СДПГ выступает теперь за превращение государства благосостояния в «заботливое социальное государство» (Vorsorgende Sozialstaat), обеспечивающее оптимальный баланс между социальной защищенностью человека и его личной ответственностью за свою судьбу³¹. В общем, можно сказать, что Гамбургская программа отразила компромисс между «старыми» и «новыми» социал-демократами, традиционалистами и модернизаторами.

Предвыборная программа СДПГ 2009 года была в еще большей степени выдержана в традиционном социал-демократическом ключе и отличалась сильным социальным уклоном. Однако этот идеологический поворот не спас германских социал-демократов от поражения на выборах в бундестаг в сентябре 2009 года, на которых СДПГ набрала всего 23 процента голосов. В ходе предвыборной кампании 2013 года немецкие социал-демократы также поставили в центр своей программы проблематику социальной справедливости. Они высказывались против политики жесткой экономии, за введение минимальной зарплаты в размере 8,5 евро в час, повышение налогов на доходы, превышающие 100 тысяч евро в год, введение налога на финансовые транзакции. И хотя на выборах в бундестаг, состоявшихся в сентябре 2013 года, социал-демократам удалось несколько улучшить свои результаты по сравнению с 2009-м, победу вновь одержал блок ХДС/ХСС. В итоге, как и в 2005 году, была сформирована «большая коалиция» ХДС/ХСС — СДПГ, возглавляемая А. Меркель. «...Социал-демократическая оппозиция так и не сумела предложить избирателям реальную альтернативу и убедить их в том, что

²⁹ Hamburger Programm: Das Grundsatzprogramm der SPD. S. 16—17. — www.spd.de/linkableblob/1778/data/hamburger_programm.pdf

³⁰ *Ibid.* S. 31.

³¹ *См. ibid.* S. 55—60.

они смогут управлять страной в условиях нынешнего кризиса лучше, чем это делала и делает Ангела Меркель», — отмечает российский политолог³².

Социал-демократия и глобальный финансовый кризис

Стоит отметить, что на мировоззрение европейской социал-демократии сильное влияние оказал начавшийся в 2008 году глобальный финансово-экономический кризис. В левых и левоцентристских кругах стран Запада получила распространение точка зрения, согласно которой мировой финансовый кризис — это, в сущности, кризис неолиберального капитализма и неолиберальной модели глобализации, подтверждающий справедливость социал-демократических представлений о необходимости политического регулирования рыночной экономики.

Кризис действительно поставил под сомнение ряд постулатов неолиберализма и способствовал возрождению кейнсианства. Как отмечают экономические эксперты СДПГ, «после долгих лет либеральной экономической политики сегодня... снова звучат призывы к государственному вмешательству в дерегулированную рыночную экономику. При этом многие обращаются к Кейнсу»³³. Финансовый кризис привел также к активизации левых течений в социал-демократическом движении. Очевидно, что в этих условиях социал-демократы не могут идти по пути «маркетизации» своих программно-идеологических установок. Напротив, наметилась тенденция к возвращению их к традиционным социал-демократическим представлениям.

Можно, таким образом, сказать, что финансово-экономический кризис прервал «правый дрейф» европейской социал-демократии. Даже такие партии, как ЛПВ и СДПГ, которые в начале XXI века достаточно далеко продвинулись в сторону социального либерализма, были вынуждены в той или иной степени вернуться к «классическому» социал-демократизму. В настоящее время лидеры европейской социал-демократии выступают против проводимой правыми силами политики жесткой экономии и за восстановление частично демонтированного неоконсерваторами государства благосостояния, за государственное регулирование банковско-финансового сектора, проведение промышленной политики, кейнсианские методы стимулирования спроса — иными словами, отстаивают традиционные социал-демократические ценности и установки.

Итак, европейская социал-демократия сейчас находится на распутье. С одной стороны, всемирный финансово-экономический кризис актуализирует традиционную социал-демократическую повестку дня. С другой стороны, процесс глобализации и императивы «новой экономики» толкают ее в сторону социального либерализма. Эти противоречия ярко проявились, в частности, в деятельности нынешнего французского президента-социалиста Ф. Олланда. Во время президентских выборов 2012 года Олланд предложил избирателям классическую социал-демократическую программу, основывавшуюся на кейнсианской стратегии стимулирования экономи-

³² Гуселетов Б. Итоги выборов в Германии: партия Меркель победила, состав правительства пока не определен. — www.socialistinfo.ru/socialXXI/2254.html

³³ Фаут С. и др. Курс социальной демократии. Ч. 2. Экономика и социальная демократия. М., 2012. С. 29.

ческого роста путем увеличения государственных расходов. Она предусматривала создание за счет государственного финансирования новых рабочих мест, строительство государственного жилья, увеличение налогов на высокие доходы, повышение социальных выплат, увеличение минимальной зарплаты, введение налога на финансовые транзакции и т. д. Однако реальность вскоре внесла в эту программу свои коррективы, и уже в начале 2014 года французский президент заявил о сокращении государственных расходов, снижении социальных налогов с компаний и проведении реформ, направленных на стимулирование предложения. Таким образом, даже ФСП с ее традиционно антикапиталистической политической культурой вынуждена была перейти на более прорыночные позиции.

* * *

Не принимая ни воспеваемую неолибералами неограниченную свободу, ни гипертрофированный этатизм коммунизма, европейская социал-демократия всегда стремилась найти золотую середину между коллективизмом и индивидуализмом, равенством и свободой, государством и рынком. И если на ранних этапах развития социал-демократического движения в социалистической идеологии наблюдался крен в сторону коллективистских ценностей и этатизма, то в конце XX — начале XXI века усилилась противоположная, либеральная тенденция. Но в любом случае социал-демократический опыт совмещения механизмов рынка с государственным регулированием, индивидуальных усилий с социальной защищенностью заслуживает самого пристального внимания. Особенно важно осмыслить его в России, где «государственникам» разных направлений, отстаивающим этатистские экономические модели, противостоят «либералы», идеалом которых является свободный рынок образца XIX века...

Социал-демократический проект ставит перед исследователями и другую важную проблему. Как отмечают американские политологи Х. Ричардс и Дж. Свангер, «социал-демократы верят, что основанные на этике идеологии могут изменить экономические отношения»³⁴. Действительно, социал-демократами было приложено немало усилий для реформирования рыночно-капиталистической системы в соответствии со своими нравственными представлениями, постановки ее на службу социальным целям. Они, в сущности, стремились примирить капиталистическую рациональность («дух капитализма» по М. Веберу) с внерациональными этическими ценностями — справедливостью и братством. Но здесь возникает вопрос: в какой степени логика экономической рациональности и эффективности может быть совмещена с «логикой сердца», социалистической этикой?

На наш взгляд, этические нормы не могут не оказывать влияния на организацию экономики, а справедливость отнюдь не противоречит эффективности. Более того, как отмечал русский философ В. С. Соловьев, «нравственное упорядочение экономических отношений было бы вместе с тем и экономическим прогрессом»³⁵. Впрочем, эта проблема заслуживает того, чтобы стать предметом дальнейшей политико-философской рефлексии. ◆

³⁴ **Richards H., Swanger J.** The Dilemmas of Social Democracies: Overcoming Obstacles to a More Just World. Lanham, 2006. P. 230.

³⁵ **Соловьев В. С.** Оправдание добра. Нравственная философия // **Он же.** Сочинения. Т. 1. М., 1990. С. 425.